

О.А. ВЛАСОВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЗМА В ПОИСКЕ НОВЫХ ПУТЕЙ ИСТОРИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ*

Статья анализирует специфику современных исследований историзма в гуманитарных науках. Выделяются основные дискуссионные темы и мишени критики, продуктивные стратегии, которые развиваются с опорой на обсуждение проблемы историзма. Подчеркивается, что современная ситуация критики историзма может быть описана как критика оснований. Историческая наука обращается от обобщения и констатации кризиса историзма к конкретизации понятия и разъяснению следствий, поднимает проблемы историцистски укорененного мировоззрения. Для каждой из гуманитарных наук значимым становится установление связи с историей, а проблема историзма выступает полем обмена методологическими новшествами.

Ключевые слова: историзм, историцистские основания, философия истории, история, история психологии, новая история, нарратив.

Обращенность наук друг к другу, появление новых отраслей и тенденция к диалогу и междисциплинарности в последние годы оживляют в гуманитарном поле старые критические сюжеты, которые, казалось бы, были давно исчерпаны. Некоторые из них не просто вновь обрастают аргументами и дискуссиями, но трансформируются с целью создания новых оснований для диалога.

Один из таких сюжетов – критика историзма. Начиная с XIX века, этот момент является основанием необходимого для каждой новой философии и истории различения, с опорой на которое она определяет свой методологический подход. Основные обобщающие исследования (на уровне монографий) появляются в начале – середине 1990-х гг. Лишь некоторые работы приходятся на начало 2000-х. В рамках этих, во многом, исчерпывающих изысканий уточняется терминология историзма¹, показана эволюция его понимания на рубеже XIX–XX вв. и трансформация из философского историзма Гегеля в «эмпирический» (по признанию некоторых авторов) историзм Ф. Майнеке². Особое значение уделяется постмодернистской конфигурации историзма в ее противопоставлении классическому философскому, а также новым литературно ориентированным формам в метаистории и новой истории³.

На первый взгляд кажется, что все уже сказано в этих критиках. Однако последние годы (после бума интереса к историзму в 1990-х)

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

¹ Iggers 1995; Jaeger, Rüsen 1992.

² Beiser 2011.

³ Grumley 1989; Hamilton 1996.

демонстрируют, что историзм не уходит из научных публикаций и трансформация критической ситуации показывает нам трансформации и пути гуманитарной науки.

История

Сразу же стоит сказать, что общее настроение в области историчестской критики сегодня – это растерянность. 1990-е гг. стали временем констатации критической ситуации – после «анти», «мета», «пост» истории, – именно поэтому тогда вышло так много обобщающих исследований. 2000–2020-е гг. стали временем поиска новых путей: после констатации кризиса необходима выработка новых интерпретаций, включение проблематики в новые поля. История идет, преимущественно, по пути конкретизации и расширения понятия историзма, а также уяснения его значения для текущей методологии истории и историографии. Здесь значимыми являются работы Криса Лоренца⁴, который выделяет два типа теорий истории: субстанциалистские (история как процесс) и когнитивистские (история как знание), вне зависимости от типа всякая историографическая теория предполагает представление о причинных механизмах и закономерностях исторического процесса, т.е. определенный философский историзм. Историзм, по Лоренцу, есть основание историографической мысли и служит опорой ее фундамента.

Историки и теоретики культуры по-прежнему обсуждают диалог культур, Востока и Запада, эта проблема все чаще дискутируется в историчестском аспекте. Центральная проблема здесь – по-прежнему проблема единого вектора исторического развития и переоценки европоцентричной схемы истории. В этой дискуссии находит отражение немецкая трактовка историзма и понимание исторического прогресса как прогресса многих культур. В 2000-е гг. реабилитация не-европейских культур связывается с обсуждением проблемы телеологизма истории⁵. Майкл Кирни, например, говорит о тотальности европоцентристского нарратива прогресса и телеологизма и подчеркивает, что для новой, другой истории просто не существует подходящей, разработанной и согласованной терминологии⁶. Мы, как отмечает Фредерик Купер, можем не видеть актуальную и случайную историю, поскольку это не реализованные возможности и невидимые нашему взгляду пути, мы не можем ее концептуализировать, поскольку она неуловима в рамках принятой эпистемологической модели⁷. История не-европейских культур и расценивается как такая случайная история.

Обсуждение новых путей переосмысления историзма находит свое выражение в конкретных исторических исследованиях. И здесь всплывают старые темы, только теперь они обсуждаются в новых политиче-

⁴ Lorenz 2008.

⁵ Hawkins 2011.

⁶ Kearney 1995: 550.

⁷ Cooper 2005: 18.

ских и мировых реалиях. Одна из топовых – презентизм, одна из самых недавних схваток – борьба против «чистой» истории викторианской эпохи. Родоначальник образованной в 2015 г. сети «Викторианские исследования для 21 века» (V21) Бенджамин Морган настаивает, что «презентизм может выступать одной из форм исторического сознания, а не инструментом его деструкции, как иногда трактуют его историки»⁸. Историзм презентизма здесь опирается не на дискретность прошлого, на какой-то из его отрезков, а говорит об истории как связности, развертывании отношений. Такая ориентация делает историю открытой политике и футурологии и включает ее не только в устоявшийся разговор о древностях, но и в актуальный диалог о возможностях будущего⁹.

Значимым конкретно ориентированным полем являются исследования Хермана Паула, который ставит цель – вывести понятие историзма из круга узких концептов. Опираясь на современные исследования, он демонстрирует, что историзм до настоящего времени трактуется как понятие, выработанное и переосмысленное немецкими интеллектуалами (Ф. Майнеке, Э. Трельчем и др.), а кризис историзма в этом случае расценивается как узко академический, или кризис немецкой профессуры. Он стремится показать, что историзм является основополагающим мировоззренческим конструктом рубежа XIX–XX вв., что он вышел далеко за пределы немецкого академического сообщества и повлиял на группы, которые структурировали свое мировоззрение и идентичность с опорой на историческую идентификацию и исторический нарратив, на тех, «...кто считал себя включенными в нарративы, которые связывали прошлое, настоящее и будущее так, что идентичность представлялась в исторических терминах»¹⁰. Примером такой группы называются голландские рабочие протестанты, испытывающие потребность в осмыслении своей связи с христианским прошлым и индустриальным настоящим, выстраивании стратегии нового пути.

Область, где в меньшей степени ощущается пессимизм растерянности – это исследования немецкого историзма рубежа XIX–XX вв., т.е. обращения к тому историзму историков, который и стимулировал впоследствии критические вековые дискуссии. Особенно интересны здесь работы по историзму Ф. Майнеке. Так, Трой Пэддок показывает конкретный фон формирования концепции Майнеке, связывая ее с идеологическими задачами немецкого государства того времени¹¹. Обращаясь к политическому проекту Бисмарка, а также к мировой политической ситуации он связывает основные составляющие историцистской кон-

⁸ Morgan 2016: 111.

⁹ Coombs 2016.

¹⁰ Paul 2010: 172.

¹¹ Paddock 2006.

цепции Майнеке с необходимостью обоснования актуального проекта объединения Германии. Еще более продуктивна работа Джеффри Свита, который характеризует переосмысление историзма рубежа веков как общий методологический поворот науки того времени, в качестве его составляющих называя ориентацию на уникальность и возможность релятивизма, отход от непрерывности и жёсткого детерминизма, исследование не систем, а уникальных конфигураций на их собственных основаниях, отход от наблюдения к искусственному эксперименту, вмешательство в «природу» и проч.¹² Историзм оказывается выражением не только и не столько социально-политических (как в статье выше), но общенаучных процессов. Эти исследования немецкого историзма, если можно так сказать, историзируют (в классическом философском смысле) сам историзм, давая понять, что дискутируемые сегодня проблемы также могут быть выражением концептуального строя нашего времени и выражением специфики нашей современной проблематизации мира.

Если говорить об отечественной сцене, то, прежде всего, необходимо отметить публикации Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, И.Н. Ионова. Л.П. Репина является проводником интеллектуальной истории в России, поэтому большинство ее методологических работ находятся на пересечении дискурсов истории и философии, помогая осмыслить, в том числе, и феномен историзма¹³. И.М. Савельева в ряде статей анализирует актуальную мировую ситуацию методологической проблематизации в истории, что позволяет уяснить мировые проблемные приоритеты и сориентироваться в том, какое место проблематика историзма занимает в контексте другой методологической проблематики¹⁴. И.Н. Ионов в недавних публикациях ставит проблему исторического сознания, связанного с модерным представлением об историзме¹⁵. Ряд публикаций журнала «Диалог со временем» в последние годы ставит смежные вопросы историзма вопросы презентизма¹⁶, исторического сознания¹⁷, историчности¹⁸ и исторической практики¹⁹. Следует также отметить и вышедший здесь в 2010 г. перевод работы Рольфа Тоштендаля об истоках возвращения популярности историзма как исследовательского поля²⁰.

Теория литературы

В рамках теории литературы дискуссии об историзме развиваются вокруг популярного в англо-американском мире «нового историзма».

¹² Sweet 1995.

¹³ Репина 2011.

¹⁴ Савельева 2012, 2017, 2018.

¹⁵ Ионов 2018, 2019, 2020.

¹⁶ Репина 2018; Цатурова 2018.

¹⁷ Горин 2020.

¹⁸ Чеканцева 2018.

¹⁹ Микешина 2018.

²⁰ Тоштендаль 2010.

Как метод и методологическое направление новый историзм теоретически и академически определен, но поскольку со времени начала его развития прошло не так много времени, а также поскольку он пришел на смену более ранних подходов (или синтезировал их), его методологические особенности до сих пор дискутируются не только рядовыми профессорами или аспирантами, но и классиками, вроде Ф. Анкерсмита.

В основном разбираются методологические отличия. Центральный вопрос: нов ли «новый» историзм, или если сформулировать его в духе давних дискуссий в философии – в чем отличия между «старыми» и «новыми» историками в литературе. Анализ обращает нас к специфике трактовки историзма в «старом» и «новом» его вариантах. Большинство исследователей в качестве особенностей последнего называют: 1) акцентирование контекста, выстраивание контекстуальных рядов и панорам²¹; 2) внимание к властным отношениям²²; 3) включение перспективы настоящего в исследуемое прошлое и внимание к устному наследию, маргинальным группам и незамеченным ранее агентам истории²³.

Со всеми своими особенностями, как подчеркивает Марджори Левинсон, новый историзм пытается преодолеть сразу две трактовки истории: во-первых, ту, что закрепилась в истории литературы, где исторический контекст признавался внешним по отношению к произведению; во-вторых, ту, что была развита в историографии и истории философии конца XIX в., где прошлое принципиально инаково по отношению к настоящему и нужна специфическая герменевтика, чтобы вскрыть его структуру. Новый историзм в этой ситуации способствует конституированию новой историчности, исследованию живой ткани контекста, а не аналитически выводимых внешних условий создания произведения²⁴. Этой позиции вторит Анкерсмит, показывая, что новый историзм есть, «скорее, радикализация (старого) историзма, чем его преодоление»²⁵. Именно этой радикализацией Анкерсмит объясняет предпринятую в последние годы историзацию исторических субъектов, установление новых отношений с прошлым и внимание к властному контексту.

Другую группу исследований можно назвать экспансивными: они развивают новую методологию на новом материале, демонстрируя ее преимущества²⁶. Есть такого типа работы и в России, например статья Т.Г. Юрченко о новом историзме А.В. Михайлова²⁷. Не отстают от мировой отечественная сцена и в методологическом плане: в начале 2000-х

²¹ Balkaya 2014.

²² Hicking 2018.

²³ Brannigan 1998.

²⁴ Levinson 2012.

²⁵ Ankersmit 2003: 269.

²⁶ Wilson, Dutton, 1992; Madrigal 1997.

²⁷ Юрченко 2020.

терминология и методология нового историзма с акцентом на литературоведческих исследованиях обсуждается в переводах и публикациях журнала «Новое литературное обозрение»²⁸. В 2010 г. выходит первая русскоязычная монография, посвященная новому историзму²⁹. В 2014 г. публикуется программа специализированного учебного курса³⁰.

Психология

В психологии последние годы вопрос об историзме звучит в двух плоскостях: во-первых, как вопрос специфики «новой» истории психологии, во-вторых, как вопрос нарративного подхода и особенностей историцистского исследования в рамках него.

Новая история психологии есть следствие развития идей интеллектуальной истории и нового историзма в психологии. Историки психологии проблематизируют собственный подход к истории и переходят в область историографии. Основные дискуссии здесь, как и в новом историзме в теории литературы, сосредоточены вокруг самой ситуации «различения» старого и нового и обсуждения тех дихотомий, которые позволяют «новой» истории психологии именоваться таковой. Бенджамин Ловетт берется обобщить черты нового подхода и называет таковыми: 1) преодоление интернализма и ориентацию на широкий социально-политический контекст; 2) уход от презентизма, при котором современность является исходной точкой для осмысления старых проблем; 3) отказ от старой концепции прогресса, в рамках которой развитие психологии рассматривается как предшествующее современной науке, а современные психологи «знают больше», чем их предшественники³¹. Жоао Пауло Ватрин проблематизирует эти дихотомии и подчеркивает тот факт, что для новой истории они становятся оправданием новой методологии и критериями строгости, в то время как по отношению к старой воспринимаются как недостатки исторического подхода³². Он видит в такой позиции новых историков недостаточность рефлексии: она, хотя и способствует укреплению статуса истории психологии, не содействует развитию историографии психологии в целом, лишь усиливая разрыв с вековой традицией истории психологии и современными исследованиями истории науки.

Вокруг дискуссий о старой и новой истории психологии поднимаются две группы проблем: во-первых, о взаимоотношениях истории психологии и философии психологии³³, а во-вторых, о точке отчета современной психологии и специфике трактовки ее истории³⁴. Обе эти

²⁸ Козлов 2000; Эткин 2001.

²⁹ Анисимова 2020.

³⁰ Савицкий 2012.

³¹ Lovett 2006.

³² Watrin 2017.

³³ Theo 2013.

³⁴ Pobinson 2013, Danziger, 1994 2013.

группы вовлекают проблематику историзма в одном и том же измерении, а точнее, они ставят вопрос прерывности (континуальности) / непрерывности истории в психологии.

Близко к историцистской проблематике подходит нарративная психология, которая развивается примерно одновременно с новой историей психологии. Непрерывность нарратива при этом позволяет психологам перейти от органической метафоры, исследования поведения и опыта человека как статического образования (т.е. от диагностики) к генетическому (динамическому) изучению развертывания его опыта³⁵. В свете исследования историцистских оснований особенно важно отметить, что сам подход не является новым, однако путем проблематизации опыта человека как истории он нацеливается на воссоздание непрерывности опыта и личности, пытаясь схватить ее «живьем». Именно этот ракурс акцентируют все современные исследователи.

В отечественной литературе терминология «новой истории психологии» не встречается, что удивительно, учитывая нашу самобытную традицию исследования культурно-исторического контекста, а также интерес к истории психологии. Но тем не менее, мы можем встретить этот термин только в переводной работе одного из «отцов-основателей» движения Томаса Лихи «История современной психологии» [Лихи, 2003]. Близко к историцистской проблематике подходит отечественная традиция культурно-исторической психологии. Здесь существуют свои классики, монографии, институции и издания. Сама эта традиция как рефлексивная начинает в полной мере развиваться в постсоветское время, поэтому неудивительно, что расцветает в последние годы: мы видим основание специализированного журнала «Культурно-историческая психология», защиты диссертаций, выход коллективных монографий в ведущих международных издательствах³⁶.

Новая история психологии, нарративная психология и культурно-историческая психология предлагают каждая свою постановку проблемы историзма. Однако, как и в рамках литературной теории, поскольку историцистская проблематика не является для нее основополагающей (как для истории), она не задается целью прояснения кризиса историцистской методологии, а просто развивает последние «новые» историцистские наработки, стремясь дополнить стратегии психологии в целом.

Философия

Историзм – одна из основных тем философии истории, и современную позицию по отношению к ней можно обозначить как состояние «после критики»: философия задается вопросом о возможности онтологии после критики историзма. Насладившись терминологией «но-

³⁵ Vassilieva 2016; László 2008; Кроссли 2020.

³⁶ Зинченко, Пружинин, Щедрин 2010; Yasnitsky, Veer, Ferrari 2014.

вой», «анти-», «пост-» и «мета-» истории, она теперь подробно разбирает итоги противостояния и начинает говорить о том, что становится возможным не столько после «анти-» и «пост-» историзма, сколько уже после критики последних. Центральный вопрос здесь – можно ли найти выход из тупиковой ситуации последнего полувека, которая характеризуется как подрыв историцизмом самого себя, когда историцистское самосознание в своем радикальном варианте выбивает собственные онтологические основания. Традиционный ответ в этом поле – нет, в числе последних теоретиков его аргументирует Стивен Тернер, заявляя, что все формы радикального историзма (в частности, генеалогия), так или иначе, дискредитируют то, что в рамках классической историцистской парадигмы считалось несомненным. Главное, что они также делают, так это вводят категорию оценивания в историческое исследование: генеалогия, например, упорядочивает, казалось бы, случайные события, связывая их в соответствие с неким естественным ходом, определяемым исследовательскими установками³⁷. Так и намечается самоподрыв онтологии. В противоположность ему критические возможности радикального историзма анализирует Марк Бевер, рассматривая проекты генеалогии, исторической онтологии и критики идеологии (вышеназванная статья Тернера есть реакция на эту работу Бевера)³⁸. Все они, по его убеждению, представляют собой различные формы историцистской критики, но не сводятся к предельному релятивизму.

Противоречия анти-историзма и подрыв историзмом самого себя осознаются многими философами как то, что артикулируется преимущественно в аналитической традиции. Они мыслятся как противоречия и неизбежные следствия этой традиции. В этом случае для их снятия признается необходимость перехода к другой описательной системе и, начиная с середины 1990-х гг., таковой представляется переосмысленная нарративная история. Традицию переосмысления закладывает Анкерсмит, который в своей монографии «История и тропология»³⁹, а также многочисленных статьях предлагает преодолеть посредством нарративизма противоречия разных концепций и тупики историзма. Новая нарративная история отходит от установок классического позитивистского нарративизма, часто позиционируя себя как пост-нарративистская историография. В монографии «Пост-нарративистская философия историографии» Йоуни-Матти Куукканен ставит вопрос о возможности отхода от позитивизма и противоречий историзма и при этом сохранения рационалистических оснований интерпретации истории⁴⁰. В 2018 г. Чин ван дер Аккен в монографии «Образцовое прошлое» расширяет перспективы нарративизма, обсуждая статус прошлого в историцистских

³⁷ Turner 2015.

³⁸ Bevir 2015.

³⁹ Анкерсмит 2003.

⁴⁰ Kuukkanen 2015.

исследованиях⁴¹. В 2020 г. Пол Рот в книге «Философская структура исторического объяснения» разрабатывает современные философские основания для нарративизма и ставит проблему историзма в горизонте «после» Уайтовой метафилософии: она становится проблемой принципов и структуры исторического объяснения⁴². Совсем недавно, в марте 2021 г. Анкерсмит сводит эти попытки воедино, показывая перспективность нового возрождения нарративизма для осмысления историзма⁴³.

В отечественной философской традиции последних лет историзм редко становится предметом методологических изысканий. Исключений не много⁴⁴, в основном, он осмысляется в рамках философии истории, где, как и в мировой традиции, ставятся проблемы терминологии, обсуждается его эволюция⁴⁵ и показывается его критика в «пост», «анти» истории⁴⁶. Акцентирование актуальных проблем историзма и его проблемных горизонтов для гуманитарных наук создает то поле, которое будет способствовать не только обсуждению историцистской проблематики как таковой, но и методологии гуманитарных наук в целом.

***

Характеризуя проанализированную современную ситуацию критики историзма, необходимо обратиться к тому смыслу «критики», который этой практике придавал И. Кант. Критика для него есть не просто анализ с указанием слабых сторон, в том смысле, который вкладывается в обыденный смысл термина. Критика – это обращение к основаниям, осознание границ и возможностей. Критика историзма в этом кантовском смысле, есть анализ оснований историзма и философии истории, и такой смысл вкладывается в нее еще с XIX века, но что более важно теперь критика историзма – это прояснение границ науки, развитой на тех или иных историцистских основаниях и ее возможностей. Этот смысл критики важен для понимания направленности современных критических работ. В этом поле много вопросов и описания проблем, движущим мотивом которых подчас становится уже не разрушение, а возможность созидания. Основные вопросы – возможна ли онтология после «анти-историзма», не деонтологизирует ли «анти-историзм» сам себя, возможна ли теперь новая история.

В современном поле гуманитарных наук мы видим разные стратегии критической концептуализации историзма. Однако поскольку для каждой из гуманитарных наук особенно значимым становится установ-

---

⁴¹ Akker 2018.

⁴² Roth 2020.

⁴³ Ankersmit 2021.

⁴⁴ Арнаутова 2019.

⁴⁵ Руткевич 2018, 2020; Махлин 2013.

⁴⁶ Дёмин 2015; Агафонов 2010; Ашкерев 2002.

ление связи настоящего с историей, поскольку гуманитарные науки имеют не фактические, а фундаментальные исторические основания, проблема историзма продолжает оставаться основополагающим полем обмена методологическими новшествами и достижениями. Закономерно, что тема историзма, как мы показали, имплицитно или эксплицитно, присутствует за многообразной актуальной проблематикой.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Агафонов В.В. Дистинкция истории и историзма в нарративной философии истории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 72–83. [Agafonov V.V. Distinkcija istorii i istorizma v narrativnoj filosofii istorii // Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki. 2010. № 2. S. 72–83.]
- Анисимова А.Э. Новый историзм: Науковедческий анализ. М.: ИНИОН РАН, 2020. 154 с. [Anisimova A.E. Novyj istorizm: Naukovedcheskij analiz. M.: INION RAN, 2020. 154 s.]
- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 96 с. [Ankersmit F.R. Istoriija i tropologija: vzlet i padenie metafory. M.: Progress-Tradicija, 2003. 96 s.]
- Арнаутова Ю.Е. «Историзм», «проблема историзма», «кризис историзма»: феномен историзма и понятие историзм в немецких науках о духе XIX – начала XX вв. // Новое прошлое. 2019. № 4. С. 86–110. [Arnautova Ju.E. «istorizm», «problema istorizma», «krisis istorizma»: fenomen istorizma i ponjatje istorizm v nemeckih naukah o duhe XIX – nachala XX vv. // Novoe proshloe. 2019. № 4. S. 86–110.]
- Ашкеров А.Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта // Социологическое обозрение. 2002. № 1. С. 86–99. [Ashkerov A.Ju. Metaistorija metaistorii, ili Dekodirovanie Hejdена Uajta // Sociologicheskoe obozrenie. 2002. № 1. S. 86–99.]
- Горин Д. Г. Трансформация исторического сознания смена парадигм обращения к прошлому в публичной сфере // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 23–36. [Gorin D. G. Transformacija istoricheskogo soznanija smena paradigim obrashhenija k proshlomu v publichnoj sfere // Dialog so vremenem. 2020. Vyp. 72. S. 23–36.]
- Дёмин И.В. Философия истории в постметафизическом контексте. Самара: Самар. гуманитар. Акад., 2015. 251 с. [Djomin I.V. Filosofija istorii v postmetafizicheskom kontekste. Samara: Samar. gumanit. Akad., 2015. 251 s.]
- Зинченко В., Пружинин Б., Щедрина Т. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с. [Zinchenko V., Pruzhinin B., Shhedrina T. Istoki kul'turno-istoricheskoy psihologii: filosofsko-gumanitarnyj kontekst. M.: ROSSPJeN, 2010. 415 s.]
- Ионов И.Н. Историчность и универсальный эволюционизм // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 21–34. [Ionov I.N. Istorichnost' i universal'nyj jevoljucionizm // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 21–34.]
- Ионов И.Н. Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории // Диалог со временем. Статья 1. 2019. Вып. 67. С. 17–33; Статья 2. 2020. Вып. 70. С. 5–22. [Ionov I.N. Korrekcija temporal'nogo rezhima i problemy teorii istorii // Dialog so vremenem. Stat'ja 1. 2019. T. 67. S. 17–33; Stat'ja 2. 2020. Vyp. 70. S. 5–22.]
- Козлов С. На rendez-vous с «новым историзмом» // Новое литературное обозрение. 2000. № 42. С. 5–13. [Kozlov S. Na rendez-vous s «novym istorizmom» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 42. S. 5–13.]
- Кроссли М. Нарративная психология. Самость, психологическая травма и конструирование смыслов. М.: Гуманитарный центр, 2020. 284 с. [Krossli M. Narrativnaja psihologija. Samost', psihologicheskaja travma i konstruirovanie smyslov. M.: Gumanitarnyj centr, 2020. 284 s.]
- Махлин В.Л. Историзм: (К истории понятия) // Литературоведческий журнал. 2013. № 33. С. 5–24. [Mahlin V.L. Istorizm: (K istorii ponjatija) // Literaturovedcheskij zhurnal. 2013. № 33. S. 5–24.]
- Микешина Л.А. Мысленный эксперимент, его роль в исторической науке // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 35–47. [Mikeshina L.A. Myslennyj jeksperiment, ego rol' v istoricheskoy nauke // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 35–47.]

- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaia praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.].
- Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или Феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 48–58. [Repina L.P. Jeffekty «nepostizhimoogo uskorenija», ili Fenomen prezentizma v istorii istoricheskogo soznaniia // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 48–58.].
- Руткевич А.М. Историзм и его критики // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 24–36. [Rutkevich A.M. Istorizm i ego kritiki // Voprosy filosofii. 2018. № 12. S. 24–36.].
- Руткевич А.М. Наследие историзма // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 36–70. [Rutkevich A.M. Nasledie istorizma // Filosofija. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2020. № 3. S. 36–70.].
- Савельева И.М. Историческая наука в XXI веке: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 5–24. [Savel'eva I.M. Istoricheskaja nauka v XXI veke: ključevye slova // Dialog so vremenem. 2017. T. 58. S. 5–24.].
- Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронтир // Диалог со временем. 2012. Вып. 38. С. 25–53. [Savel'eva I.M. Istoricheskie issledovanija v XXI veke: teoreticheskij frontir // Dialog so vremenem. 2012. T. 38. S. 25–53.].
- Савельева И.М. История и теория: “Return to the real” // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 7–26. [Savel'eva I.M. Istorija i teorija: “Return to the real” // Dialog so vremenem. 2018. T. 63. S. 7–26.].
- Савицкий Е.Е. «Новый историзм»: подходы к изучению культуры // Диалог со временем. 2012. № 40. С. 367–375. [Savickij E.E. «Novyj istorizm»: podhody k izucheniju kul'tury // Dialog so vremenem. 2012. T. 40. S. 367–375.].
- Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и “исторический поворот” в социальных науках // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 14–25. Toshtendal' R. Vozvrašhenie istorizma? Neo-institucionalizm i “istoricheskij povorot” v social'nyh naukah // Dialog so vremenem. 2010. T. 30. S. 14–25.].
- Цатурова С.К. О пользе презентизма, или Как изучать истоки национального государства в ожидании его отмирания // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 59–72. [Caturova S.K. O pol'ze prezentizma, ili Kak izučat' istoki nacional'nogo gosudarstva v ozhidanii ego otmiraniia // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 59–72.].
- Чеканцева З.А. Историчность и история в интеллектуальной культуре XXI века // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 5–20. [Chekanceva Z.A. Istorichnost' i istorija v intellektual'noj kul'ture XXI veka // Dialog so vremenem. 2018. T. 65. S. 5–20.].
- Эткин А.М. Новый историзм, русская версия // Новое литературное обозрение. 2000. № 47. С. 7–41. [Jetkin A.M. Novyj istorizm, russkaja versija // Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 47. S. 7–41.].
- Юрченко Т.Г. «Историческое движение подчиняет искусство своему языку»: Новый историзм А. В. Михайлова и проблемы науки о литературе // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2020. № 1. С. 28–35. [Jurchenko T.G. «Istoricheskoe dvizhenie podčinjaet iskusstvo svoemu jazyku»: Novyj istorizm A. V. Mihajlova i problemy nauki o literature // Referativnyj zhurnal. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvenna i zarubezhnaja literatura. Serija 7: Literaturovedenie. 2020. № 1. S. 28–35.].
- Akker C., van den. The Exemplifying Past. A Philosophy of History. Amsterdam: Amsterdam UP, 2018. 158 p.
- Ankersmit F.R. An Appeal from The New to The Old Historicists // History and Theory. 2003. Vol. 42. P. 253–270.
- Ankersmit F.R. A Narrativist Revival? // Journal of the Philosophy of History. 2021. P. 1–25.
- Balkaya M. Basic Principles of New Historicism in The Light of Stephen Greenblatt's Resonance and Wonder and Invisible Bullets // European Academic Research. 2014. № 2. P. 7068–7078.
- Beiser F.C. The German Historicist Tradition. Oxford; N.Y.: Oxford U.P., 2011. 600 p.
- Bevir M. Historicism and Critique // Philosophy of the Social Sciences. 2015. № 2. P. 227–245.
- Brannigan J. New Historicism and Cultural Materialism. N.Y.: St. Martin's Press, 1998. 260 p.

- Coombs D.S., Coriale D. Introduction to V21 Forum on Strategic Presentism // *Victorian Studies*. 2016. № 1. P. 87–89.
- Cooper F. *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History*. Berkeley: University of California Press, 2005. 339 p.
- Danziger K. Does the history of psychology have a future? // *Theory & Psychology*. 1994. № 4. P. 467–484.
- Danziger K. *Psychology and Its History* // *Theory & Psychology*. 2013. № 6. P. 829–839.
- Grumley J.E. *History and Totality: Radical Historicism from Hegel to Foucault*. L.; N.Y.: Routledge, 1989. 241 p.
- Hamilton P. *Historicism*. New York: Routledge, 1996. 226 p.
- Hawkins M. Our Present Concern: Historicism, Teleology, and Contingent Histories of a More Democratic Global Past // *Rethinking History*. 2011. № 3. P. 373–392.
- Hicking M. New Historicism // *Brock Education Journal*. 2018. № 2. P. 53–57.
- Iggers G.G. Historicism: The History and Meaning of the Term // *Journal of the History of Ideas*. 1995. Vol. 56. P. 129–152.
- Jaeger F., Rüsen J. *Geschichte des Historismus: Eine Einführung*. München: C.H. Beck, 1992. 239 S.
- Kearney M. The Local and The Global: The Anthropology of Globalization and Transnationalism // *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 547–565.
- Kuukkanen J.M. *Postnarrativist Philosophy of History*. London: Bloomsbury, 2015. 239 p.
- László J. *The Science of Stories: An Introduction to Narrative Psychology*. L.; N.Y.: Routledge, 2008. 228 p.
- Levinson M. Reflections on the New Historicism // *European Romantic Review*. 2012. № 3. P. 355–362.
- Lorenz Ch. *Scientific Historiography* // *Blackwell Companion to Philosophy of History and Historiography*. Ed. A. Tucker. London: Blackwell, 2008. P. 398–408.
- Lovett B.J. The New History of Psychology: A Review and Critique // *History of Psychology*. 2006. № 1. P. 17–37.
- Madrigal J.A. (ed.) *New Historicism and The Comedia: Poetics, Politics, and Praxis*. Boulder, Colo.: Society of Spanish and Spanish-American Studies, 1997. 236 p.
- Maza S. Stephen Greenblatt, New Historicism, and Cultural History, or, What We Talk about When We Talk about Interdisciplinarity // *Modern Intellectual History*. 2004. №1. P. 249–265.
- Morgan B. Scale, Resonance, Presence // *Victorian Studies*. 2016. № 1. P. 109–112.
- Paddock T. Rethinking Friedrich Meinecke's Historicism // *Rethinking History*. 2006. № 1. P. 95–108.
- Paul H. Who Suffered From the Crisis of Historicism? A Dutch Example // *History and Theory*. 2010. № 2. P. 169–193.
- Pettit M., Davidson I. Can The History of Psychology Have an Impact? // *Theory & Psychology*. 2014. № 5. P. 709–716.
- Pobinson D.N. Historiography in Psychology: A Note on Ignorance // *Theory & Psychology*. 2013. № 6. P. 819–828.
- Roth P.A. *The Philosophical Structure of Historical Explanation*. Evanston: Northwestern UP, 2020. 208 p.
- Sweet G. “Historismus” and Experimental Philosophy // *The Modern Language Review*. 1995. № 4. P. 944–954.
- Theo Th. Agnotology in The Dialectics of The History and Philosophy of Psychology // *Theory & Psychology*. 2013. № 6. P. 840–851.
- Turner S. Not So Radical Historicism // *Philosophy of the Social Sciences*. 2015. № 2. P. 246–257.
- Vassilieva J. *Narrative Psychology: Identity, Transformation and Ethics*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 200 p.
- Watrin J.P. The “New History of Psychology” and The Uses and Abuses of Dichotomies // *Theory & Psychology*. 2017. № 1. P. 69–86.
- Wilson R., Dutton R. (eds.) *New Historicism and Renaissance Drama*. L.; N.Y.: Longman, 1992. 249 p.
- Yasnitsky A., Veer R., van der, Ferrari M. (eds.) *The Cambridge Handbook of Cultural-Historical Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 540 p.

Власова Ольга Александровна, доктор философских наук, профессор, кафедра истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии: o.a.vlasova@gmail.com

Historicism Research in Search of New Perspectives History, Psychology, Philology, Philosophy

The paper analyzes the specifics of contemporary research on historicism in the humanities. The main discussion topics and targets of criticism, productive strategies, which are developed based on the discussion of the problem of historicism, are highlighted. It is emphasized that the current situation of criticism of historicism can be described as a criticism of the foundations. It is shown that historical science turns from the generalization and statement of the crisis of historicism to the concretization of the concept and the clarification of the consequences, raises the problems of a historically rooted worldview. For each of the humanities, the establishment of a connection with history becomes significant, and the problem of historicism acts as a field for the exchange of methodological innovations.

Key words: *historicism, historicist foundations, philosophy of history, history, history of psychology, modern history, narrative.*

Vlasova Olga A., Dr.Sc. in Philosophy, Professor of the Department of History of Philosophy, St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, o.a.vlasova@gmail.com